

ЭРИН КЕЛЛИ

ЭРИН КЕЛЛИ

ОН СКАЗАЛ /
ОНА СКАЗАЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К34

Серия «Психологический триллер»

Erin Kelly

HE SAID/SHE SAID

Перевод с английского *Г. Бабуровой*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
A P Watt at United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Келли, Эрин.

К34 Он сказал / Она сказала : [роман] / Эрин
Келли ; [перевод с английского Г. Бабуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
416 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-122068-6

Летом 1999 года Кит и его девушка Лора отправляются на фестиваль, чтобы увидеть редкое событие — полное солнечное затмение. В тот же день Лора оказывается свидетельницей изнасилования и, поверив напуганной жертве по имени Бесс, дает ложные показания в суде. После того как обвиняемого осудили, Бесс связывается с Лорой и предлагает встретиться, с каждым днем становясь все навязчивее... Лора начинает всерьез сомневаться, действительно ли Бесс — жертва?..

Пятнадцать лет спустя Кит и Лора живут под новыми именами в другом городе, избегая новых знакомств. Но рано или поздно им придется встретиться со своим прошлым... Как далеко они готовы зайти, чтобы спасти себя и заставить других поверить в их историю?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© E S Moylan Ltd., 2016

 Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-122068-6

Моей сестре Шоне

У полного солнечного затмения пять фаз.

Первая — на солнечный диск напоздает тень от Луны, откусывая край.

Вторая — Луна накрывает Солнце, лишь по краям сочитя свет; получается сияющее кольцо.

Третья — Солнце закрыто полностью. Самый жуткий и драматичный из всех этапов. Становится темно, резко холодает, умолкают птицы и звери.

Четвертая — Луна понемногу сползает.

Пятая — Луна больше не закрывает Солнце, затмение миновало.

Мы стоим плечом к плечу перед грязным зеркалом. Наши отражения, сталкиваясь взглядом, поспешно отводят глаза. Мы обе в черном. Так диктуют приличия; ни одну из нас не судят, но мы обе знаем, что в подобных делах всегда винят женщину.

Туалетные кабинки позади пусты, все двери открыты. В суде сказали бы, что тайна соблюдена. Следить за словами надо не только в комнате для дачи показаний.

Я кашляю. Звук отражается от стен, выложенных кафельной плиткой, и эхом улетает в коридор. Здесь множатся все звуки: стук казенных дверей, скрип тележек, заполненных тяжелыми папками. Высокие потолки ловят слова и, коверкая, сбрасывают вниз.

В здании суда все несоразмерно — огромные залы, открытые пространства. Так строят специально, чтобы человек ощущал себя маленьким и ничтожным по сравнению с всемогущей машиной правосудия и проникался значимостью каждого произнесенного под присягой слова.

Время и деньги тоже несоразмерны. Правосудие заглатывает золото. Свобода человека стоит десятки тысяч фунтов. На украшения Салли Балкомб, сидящей в зале, можно купить небольшую квартиру в Лондоне. Даже кожа, которой обтянуто судейское кресло, источает запах денег.

Но в туалете все равны. Здесь, например, не работает слив, нет мыла и не закрываются дверцы. Вдобавок ко всему подтекают бачки, отчего тихо говорить невозможно. Если бы мне вдруг захотелось что-то сказать, пришлось бы кричать.

Рассматриваю отражение с головы до ног. Покрой платья скрывает изгибы фигуры. Я собрала волосы — длинные, блестящие (первое, что привлекло во мне Кита; он сказал, что заметил бы их в полной темноте) — в низкий пучок. Мы обе смотримся... тихонями. Нас не узнать в тех девушках с фестиваля, которые разрисовывали тела золотой краской, чтобы петь и танцевать в лунной ночи. Обе ушли безвозвратно, каждая своим путем.

Снаружи хлопнула дверь, и мы вздрогнули. До меня вдруг доходит: она тоже на нервах. Отражение закрывает глаза и задает безмолвные вопросы — слишком значительные, слишком опасные, чтобы произнести их вслух.

Как мы дошли до такого?

Как мы здесь оказались?

Чем все это закончится?

ПЕРВАЯ ФАЗА

Глава 1

ЛОРА

18 марта 2015-го

Лондон — самый беззвездный город Британии, но даже здесь, на северной окраине, в четыре утра можно разглядеть звезды. В нашей мансарде потушены огни, и мне не нужен телескоп Кита, чтобы узнать Венеру: бледно-голубая сережка висит у лунного полумесяца.

Сам город за моей спиной. Отсюда открывается вид на пригородные крыши, самая известная из которых — крыша Александра-палас¹. При свете дня это викторианское чудовище из чугуна, кирпича и стекла; в предзакатные часы оно колет небо острыми антеннами с красными огоньками на концах. Ночной автобус того же цвета катится по пустой парковой аллее. В этой части Лондона жизнь и в самом деле бурлит двадцать четыре часа в сутки. В Вест-Энде куда тише. Как только закрывается турецкая забегаловка, из польской пекарни вывозят

¹ Культурно-развлекательный центр Викторианской эпохи площадью тридцать тысяч квадратных метров, возведенный в Александра-парке, названном в честь бракосочетания принца Уэльского с датской принцессой Александрой. — *Здесь и далее примеч. пер.*

первую партию хлеба. Я не сама выбрала эту часть города, но мне здесь нравится. Можно жить и ни с кем не знакомиться.

Этажом ниже сладко спит Кит. Уезжает из дома он, однако не спится мне. Нервничаю перед дорогой. Я давно не сплю. И не потому, что изнутри меня толкают малыши и от этого постоянно хочется в туалет. Кит сказал однажды, что жизнь — это скучный промежуток между затмениями. Но мне думается, что жизнь — это время, когда чувствуешь себя в безопасности. Бесс дважды пересекла мир, чтобы нас найти. Мы оставляем за собой след, только когда путешествуем. Пару лет назад я наняла частного детектива и поручила ему отыскать нас по бумагам, которые остались от прошлой жизни. Не сумел. А если он не сумел — никто не сумеет. Уж во всяком случае не Бесс и даже не Джейми со всеми его возможностями. Последнее письмо от него сумело меня отыскать четырнадцать лет назад.

Впервые с двадцати одного года Кит будет смотреть полное затмение без меня. Даже те, что он пропустил, он пропустил со мной, то есть из-за меня. Конечно, в моем положении не стоит разъезжать, и я так рада, что даже не завидую, хотя и очень волнуюсь за Кита. Бесс меня знает. Она знает нас. Знает, что причинить ему вред значит уничтожить меня.

Наблюдаю, как медленно движется месяц. Это наблюдение — действие преднамеренное и осознанное, часть терапии под названием «Живи моментом», призванной прекратить приступ паники. Предательский симптом — волосы на предплечьях встали дыбом, такое ощущение, что кто-то натянул над кожей паутинку. По-научному это называ-

ется соматическим проявлением психологической травмы. Я должна следить за собой, чтобы отделить соматическую часть от психологической. Я мысленно соединяю между собой точки созвездий. Вот Орион, а чуть ближе к северу — Семь Сестер, или Плеяды.

Раскачиваюсь взад и вперед, ощущая босыми стопами ворсинки ковра. Нельзя, чтобы Кит видел меня такой... беспокойной. Могу предсказать, что случится — поездка накроется, он предложит мне возобновить курс психотерапии, и я буду ходить туда, сколько смогу. С моими секретами далеко не продвинешься. Психоаналитики утверждают, что врачебная тайна превыше всего; лежа на священной кушетке из «Икеи», поведать можно что угодно. Но я нарушила закон, как в этом признаться? За подобное преступление срока давности в нашей стране не предусмотрено, впрочем, как и в моем сердце.

Дыхание восстанавливается. Отворачиваюсь от окна. В потемках все же видно карту Кита. Не первую, конечно, — оригинал уничтожен, — но точную, кропотливо воссозданную копию. Огромная карта мира испещрена аккуратно наклеенными, до миллиметра вымеренными нитями — красными и золотыми. Золотыми дугами обозначены затмения, которые мы видели, красными — те, что предстоят. По традиции, возвращаясь домой, мы заменяли красные на золотые. (Кит не был бы собой, если бы не высчитал приблизительную продолжительность собственной жизни, основываясь на семейной истории и образе жизни. Он предполагает закончить путешествовать в девяносто, учитывая старческую немощь. Последнее затмение нам предстоит посмотреть в 2066-м.)

Несколько лет назад Бесс водила пальцами по первой карте, пока я расписывала ей наши планы.

Интересно, где она теперь? В каком уголке планеты? Жива ли? Я никогда не желала ей зла, несмотря на то что нам довелось из-за нее пережить. В каком-то смысле она тоже жертва. Но если бы ее можно было как-нибудь... стереть, что ли. Разузнать о ней никак не выйдет. Наберите в поисковике «Элизабет Тейлор». Кроме информации об актрисе или романистке, много ли найдете? Искать по запросу «Бесс» еще бессмысленней. Ей, как и нам, успешно удалось исчезнуть без следа.

Долгие годы я не пыталась разыскивать Джейми. Слишком неловко, особенно после той роли, что я сыграла в этой истории. Организованная им кампания по защите доброго имени прошла удачно. Результаты запроса выдают информацию о преступлении в выгодном ему ключе. В верхних строках — заметки о его активной деятельности. О том, как он поддерживает несправедливо обвиненных — да и справедливо тоже — и призывает держать их имена в тайне, пока не вынесут приговор. Вскоре меня начинает подташнивать, поэтому дальше первых результатов я не захожу. Мне по-прежнему необходимо быть в курсе, и я настраиваю гугл-оповещения на имя и единственное слово, которое имеет значение. Нет смысла вбивать вместе оба имени — его и Бесс. Ей гарантировали сохранение пожизненной анонимности. Таков закон вне зависимости от исхода процесса. Мне думается, Бесс — да и нам — повезло, что все случилось до появления интернет-новостей и мстительных хакеров, готовых азартно разоблачать всех и каждого.

На лестнице зажегся свет. Проснулся Кит. Глубокий вдох, задержка... Я спокойна, приступ удалось потушить. Закатываю рукава. Свитер Кита меня не красит, зато хорошо сидит, а я уже много лет одеваюсь так, чтобы было удобно. Еще до беременности пришлось принимать гормоны, и у меня впервые в жизни образовались грудь и бедра. Я до сих пор не научилась правильно одеваться, учитывая изгибы фигуры.

Медленно спускаюсь по ступенькам, аккуратно перешагивая упаковку с разобранной детской кроваткой, которую приткнули в лестничном пролете. Когда Кит вернется, мы перделаем комнату Джуно и Пайпер в детскую. Не хочу ничего затевать, пока он не вернется. Из суеверия.

Когда я вхожу, он сидит на кровати, проверяя в телефоне прогноз погоды. Светло-рыжие кудри растрепаны. Слова «не уезжай» не идут у меня с губ. Знаю, что он останется, если попрошу, именно поэтому надо молчать.

Глава 2

КИТ

18 марта 2015-го

Проснулся, лежу несколько секунд, прислушиваясь к шагам Лоры над головой и предвкушая праздник, совсем как в рождественское утро. Остаются считанные дни. Вот уже много лет я помню о том, что 20 мая 2015-го Луна закроет Солнце и в небе появится черный диск. Полные солнечные затмения стали точками на графике моей жизни, с тех самых пор как меня впервые накрыла тень Луны. Это случилось в прошлом веке — в 1991 году в Чили. В чи-

стом виде затмение длилось семь минут и двадцать одну секунду. Мне было двенадцать. Я понял, что готов потратить жизнь на то, чтобы еще раз пережить подобное. Ничто на свете не сравнится с этим чувством — наблюдать полное затмение на фоне безоблачного неба. Так, до встречи с Лорой, я впервые подобрался к пониманию религии.

С ее стороны кровати простыни совсем остыли. Сперва появляется живот, затем сама Лора. Скулы у нее заострились, волосы собраны в пучок, каштановые корни кажутся почти черными по сравнению со светлыми кончиками. На ней мой старый свитер, рукава закатаны до локтей. Никогда она не смотрелась прелестнее. До того как зачать ребенка, я немного волновался, не стану ли скучать по трогательным острым углам ее фигуры, которые так любил; теперь, глядя, как изменилось тело Лоры, я испытываю что-то вроде гордости, ведь у нее внутри живет моя частица.

— Ложись, тебе вредно носиться туда-сюда.

— Да я все равно уже проснулась. Вот провожу тебя и лягу.

Стоя под душем, еще раз прогоняю в голове сегодняшний маршрут — все мелкие детали грандиозного замысла. В 5.26 сажусь в метро на «Тернпайк-Лейн» и еду до вокзала Кингс-Кросс, в 6.30 пересеживаюсь на поезд до Ньюкасла, там в 9.42 встречаюсь с Ричардом. Оттуда на чартерном минибусе мы доберемся до ньюкасловского порта и где-то около 11.00 поднимемся на борт «Принцессы Селестии» — круизного лайнера на шестьсот пассажиров. Мы отправимся на нем по Северному морю вдоль берегов Шотландии до Фарерских островов, которые лежат на полпути к Исландии.

Большая часть пятничного затмения пройдет над водной гладью, но даже в самый полный штиль фотографии не выходят столь удачными, как на суше. Я выбирал между Фарерскими островами и архипелагом Шпицберген в Северном Ледовитом океане. (Лора настояла на Фарерских. Больше всего народу соберется в столице Торсхавн на острове Стремой, и потому Лора верит, что там безопаснее.) Через два дня в 8.29 лунная тень наползет на Солнце и закроет его целиком на две с половиной минуты.

Вытираю полотенцем бороду — Лора настояла, чтобы я отпустил ее к поездке. Одеваюсь. Одежду подготовил накануне. Рабочий костюм — не форма, конечно, но почти — благополучно остался в шкафу. Я в восторге от того, что целых пять дней проведу вдаль от оптической лаборатории, однако чувствую себя немного виноватым, что беру несколько дней из отпуска, хотя мог бы потратить их на семью, когда родятся дети. Затем вспоминаю о химикатах, которыми дышу весь день, о том, что наконец разогну шею, которую ломит от постоянного корпения над линзами, чтобы взглянуть на небо. Дело того стоит. В роли отца мне жить всю оставшуюся жизнь. Что такое пять дней по сравнению с наблюдением за великим порядком вещей?

Натягиваю термобелье с длинными рукавами, а поверх — счастливую футболку, в которой наблюдал затмение впервые. На ней написано «Чили '91», она в цветах их флага. Государства всегда стараются присвоить затмение, даже если его можно наблюдать с трех континентов. Черный круг посередине означает закрытое лунной тенью Солнце в кольце короны. Папа купил ее для меня в придорожной